
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

© А.Ю. САВОСИЧЕВ

sawositchev@mail.ru

УДК 94 (47). 042-286

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОДЪЯЧИХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI века

АННОТАЦИЯ. Проблема происхождения великокняжеских подьячих первой трети XVI в. до сего дня недостаточно разработана в отечественной историографии. Основная масса исследований посвящена великокняжеским дьякам. Авторы исходят из предпосылки, что дьякам и подьячим свойственно единство происхождения. На основании анализа актовых и делопроизводственных документов, писцовых, разрядных и посольских книг автор реконструировал персональный состав подьячих исследуемого периода. На основании просопографического метода в среде подьячих выделена прослойка выходцев из дворян; группа потомственных приказных, чьи отцы служили в дьяках или подьячих; группа выходцев из «демократических» слоев населения, к которым относятся духовенство, посадские, дворцовые слуги. К последней категории автор относит и тех подьячих, чье социальное происхождение не поддается установлению. В итоге автор пришел к выводу, что подьячие исследуемого периода происходили в основном из «демократических» слоев населения. Дворянская прослойка в среде подьячих была относительно не велика, что отличает подьячих от дьяков, в среде которых доля выходцев из семей детей боярских достигала примерно двух третей. Между подьячими и дьяками не существовало непреодолимого барьера. Часть подьячих становилась дьяками. Однако, в первую очередь повышали свой социальный статус те подьячие, что были выходцами из дворян.

SUMMARY. The problem of the origin of the assistant clerk of the grand duke of the first third of XVI century up to this date is not enough studied in our national historiography. The main studies are dedicated to the clerk of the grand duke. The Authors agree that “a clerk” and “an assistant clerk” are of the same origin. On the grounds of the analysis of assembly and business documents, books with the descriptions of the immovable property, class and ambassadorial books author reconstructed the personnel of the assistant clerks of the period. On the grounds of prosopographic method in the environment of the assistant clerk the noble layer is found; the group of hereditary clerks, whose fathers served as clerks or assistant clerks; the group formed from the “democratic” layer of the population — the clergy, the townsfolk, the palace servants. To the last category author refers also the assistant clerks, whose social origin can't be found out. To sum up, the author came to the conclusion that basically assistant clerk's origin of this period is from the “democratic” layer of the population.

ИСТОРИЯ

The layer of the noble among assistant clerks was not great in comparison with clerks who were mostly from the noble. The resistless barrier did not exist between assistant clerks and clerks. A part of assistant clerks became clerks. However, in the first place the assistant clerks from the noble class raised their social status.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Подьячие, социальное происхождение, дьяки, дети боярские.

KEY WORDS. The assistant a clerk, the social origin, the clerk, children boyar.

Проблема социального происхождения дьяков и подьячих не часто затрагивается в нашей историографии. Из каких сословных групп государство черпало кадры для канцелярской работы, для документального оформления управленческих решений? Обычно исследователи касаются этого вопроса попутно: либо в контексте общеисторических исследований, либо в процессе рассмотрения проблем развития приказной системы. При этом внимание авторов сосредотачивается почти исключительно на происхождении дьяков. К числу немногих исключений относится работа Н.Ф. Демидовой, не только исследовавшей вопрос о происхождении столичных и провинциальных подьячих XVII столетия, но и сделавшей важный вывод методологического плана: «основным является вопрос о комплектовании подьяческих кадров, тогда как вопрос о комплектовании дьячества производный» [1; 52]. Причина в том, что большинство дьяков в эпоху, исследованную Н.Ф. Демидовой, становились дьяками после службы в подьячих. Вопрос о социальном происхождении подьячих предыдущего XVI столетия до сегодняшнего дня оставался открытым. Попыткой заполнить этот пробел в историографии приказной бюрократии является настоящая статья.

Выявление полного корпуса подьячих великого князя Василия Ивановича уже само по себе представляет собой проблему. На сегодняшний день нам известно 103 подьячих исследуемого периода.

Из них 15 (14,6%) происходят из дворянских семей.

В двух случаях есть данные об отце подьячих, на основании которых можно сделать вывод об их происхождении. Иван Григорьевич *Щекин* (1), явно, был братом Алексея Малого Григорьевича *Щекина* (2). Общность отчеств и рода занятий не оставляет сомнения в этом. Следовательно, и Иван, скорее всего, был сыном новгородского помещика Григория Семенова сына Микулина Щокина.

Есть одно прямое указание источников: Федор Рудак Васильевич *Ушаков* (3) и его старшие братья Иван и Никита были сыновьями новгородского помещика. На это указывает писцовая книга Бежецкой пятины 1538/39 г. [2; 199-200]. Какие-либо службы братьев неизвестны. Скорее всего, они, как и большинство новгородских детей боярских, служили с городом.

Один из подьячих служил дворянскую службу до того как стал дьяком. Федор *Леонтьев* сын (4) в 1520/21 г. судил поземельный спор в Маринине Слободе Переславского уезда [3; 66-71]. Конечно, дела подобного рода разбирали не только дети боярские. Однако, учитывая приличную карьеру сыновей Федора Леонтьева, стоит, все-таки отнести его к числу «служилых людей по отечеству».

На основании данных о близких родственниках, к выходцам из дворянства относятся пятеро:

Степан Константинович *Буженинов* (5). В 1555/56 г. поместьем в Ильинском на Сяси погосте Обонежской пятины владел Иван Константинов Буженин. Рядом располагалось порозжее поместье, бывшее ранее за Степаном Константиновым Бужениным. Рядом описаны имения Третьяка и Богдана Ярова Бужениновых и Ивана Неклюда Дмитриева Буженинина [4; 40-41].

Явно, что Буженин, Буженинин и Буженинов это разные варианты написания одной и той же фамилии. Степан это подьячий, а Иван — его брат. Если писцы не делают особой оговорки о чине или должности помещика, то, скорее всего, речь идет о сыне боярском. Если брат подьячего был из дворян, то и сам подьячий, явно, происходил из той же среды.

История дьяческой фамилии *Племянниковых* реконструирована С.Б. Веселовским [5; 414-415]. Ее родоначальник — Левка Племянник — упоминается во второй четверти XV в. как послух и землевладелец в волости Воря Московского уезда [6; 98, 110, 131]. О его службе никаких данных не сохранилось.

У Леонтия было два сына Михаил и Семен. Старший известен только как частное лицо [6; 543]. Семен стал дьяком Ивана III и Василия III.

Михаил оставил трех сыновей — Севастьяна, Ивана и Дементия; Семен — одного, Владимира. Деметий (6) и Владимир сделали приказную карьеру, продолжив традицию отца и дяди. Севастьян и Иван известны только как частные лица. В 1533/34 г. братья Севастьян и Иван послушествовали в данной своего двоюродного брата Владимира в Корзеневской волости Московского уезда. Оба они названы детьми боярскими великого князя [7; л. 507об.-509]. Об их потомках никаких данных найти не удалось.

Последнее, известное по источникам поколение Племянниковых, представлено двумя сыновьями (Иваном и Лаврентием) и двумя дочерьми (Марией и Прасковьей) дьяка Владимира Семеновича. Известны они исключительно как частные лица.

Таким образом, мы видим, что на протяжении ста лет истории четырех поколений рода Племянниковых никакого служебного роста фамилии не наблюдается. За исключением канцелярской работы их конкретные служебные назначения неизвестны. Такая незаметность, скорее всего, говорит о том, что Племянниковы принадлежали к рядовому провинциальному дворянству и служили в городских детях боярских.

Старший брат Меньшика *Путятина* Суморок (7) начал свою службу с назначений в приставы при иностранных послах [8; 327]. Все это преимущественно дворянские службы. Так что можно с достаточно высокой долей вероятности говорить о принадлежности к служилому сословию обоих дьяков, и Суморока и Меньшика.

Отец подьячего Афанасия Григорьевича *Каликина* (8) Григорий Каликин был дмитровским вотчинником. Ок. 16 июня 1504 г. он владел д. Щепино на границе Дмитровского и Московского уездов [9; 393]. На этом основании из числа предков подьячего можно сразу исключить выходцев из «демократических» слоев населения, кроме, пожалуй, дворцовых слуг и мелких неслужилых вотчинников.

Афанасий был женат на некоей Елене Владимировне, бывшей в первом браке за Никитой Федоровичем Жабиным [10; 74]. О нём никаких биографических сведений найти не удалось. У Никиты были трое братьев — Иван, Филипп и Андрей — и трое сыновей: Данила, Иван и Василий. Все они известны только как частные лица, вотчинники Московского уезда [10; 74-75]. В середине XVI в. Жабины упоминаются как «литва дворовая» по Можайску и Медыни [11; 187, 207]. Фамилия эта относительно редкая и встречается только в дворянской среде. Можно полагать, что Жабины-москвичи тоже были детьми боярскими. Елена Владимировна, будучи замужем за сыном боярским и сама, скорее всего, была из дворянской семьи. Посему и Афанасия Каликина причисляем к выходцам из сред детей боярских.

Истома Степанович *Чертовской* (9) происходил из среды новгородских помещиков Бежецкой и Шелоской пятин. Здесь упоминаются имения старшего брата приказного деятеля Богдана и племянников Нехорошего, Нехоша и Михаила Богдановичей [2; 977-978], [12; 632], [13; 90], [14; 214-215]. Служебные назначения их неизвестны. Можно заключить, что Чертовские, в основном, отнесли к городскому дворянству.

На основании данных антропонимики относим к числу выходцев из среды детей боярских троих. *Кулибаев* — фамилия редкая. За весь исследуемый период только три представителя: дьяки Осан Васильевич и Тихон Семенович (10) и Замятня Иванович, сын боярский. Справедливости ради следует отметить, что Замятня писался Кулюбаевым, но, в то же время, вряд ли следует сомневаться в том, что мы имеем дело с двумя разными написаниями одной и той же фамилии. В 1561/62 г. Замятня писал данную в Чудском стану Кашинского уезда [15; 148]. В 1564/65 г. он в числе поручителей по кн. Василии Семеновиче Серебряном с сыном Борисом [16; 42, 45, 48]. В такие списки вносились только дети боярские, как дворовые, так и городовые. Кулибаевы, учитывая их практически полную безвестность, скорее всего, служили с городом.

Скрипицыны. В первой трети XVI в. носители этой фамилии упоминаются как писчики, послухи в актах и вотчинники в Дмитровском, Кашинском, Переславском и Ростовском уездах [7; л. 480, 483-483об.], [17; 18, 73-74, 77, 79, 116, 126, 162-163, 240, 264-267, 285], [18; 343], [19; 552-552об., 555об.-557], [20; 820-821], [21; 392]. При этом основное «гнездо» Скрипицыных было в исследуемый период, по всей видимости, в Переславле. Сведений о службе Скрипицыных в эпоху Василия III сохранилось немного. Дмитрий Скрипицын и Шибай Семенович Скрипицын в 1519 и 1525 гг. вместе с другими детьми боярскими были в плену в Литве [22; 156, 165, 166, 171, 172]. Алексей Смерд Григорьевич Скрипицын в декабре 1518 г. был приставом у литовского гонца Гритцко и сопровождал его от Смоленска до Москвы [23; 435]. Такие назначения обычно получали местные смоленские помещики. Иван Скрипицын в конце марта — начале апреля 1524 г. ездил в Новгород-Северский за грамотами, бывшими частью дипломатической переписки посольства Ивана Семеновича Брюхова и Ивана Колычева, пребывавшего в Турции [24; 59]. Судя по всему, в первой трети XVI в. Скрипицыны служили в основном с городом.

По всей видимости, из рода Скрипицыных-переславцев происходил и новгородский подьячий Злоба Семенович (11). В 1538/39 г. он выступил послухом в данной в Кинельском стану Переславского уезда [18; 270]. В том же акте

послушествовал переславский вотчинник и новгородский помещик Иван Денисович Скрипицын. В данном случае несомненные генеалогические связи между переславскими и новгородскими Скрипицыными служат дополнительным аргументом для определения социального происхождения Злобы Семеновича. Отцом подьячего вполне мог быть Семен Шуба Скрипицын Балув. Применительно к Ивану Малому Скрипицыну (12) связей с Переславлем или Новгородом не прослеживается. В то же время, опираясь на просопографические данные о Скрипицыных, можно вполне уверенно заключить, что Иван Малой происходил из дворянской среды.

Новгородский подьячий Третьяк Пименов *Головин* (13), по всей видимости, происходил из новгородских помещиков. Его поместье в Ляцком погосте Шелонской пятины в 1570/71 г. было за его сыном Богданом [12; 559]. В Новгороде дьяк был человеком пришлым. Прибывая из Москвы, он получал поместье по месту службы, а после отзыва в столицу сдавал имение, которое поступало в раздачу и, иногда, доставалось новому дьяку-москвичу, прибывшему на место старого. Передача поместья сыну означала, что приказной деятель был местным уроженцем. Кроме Третьяка в Новгороде в первой половине XVI в. упоминается несколько Головиных, явных однородцев подьячего [25; 177-178, 198-199]. Служебные назначения их неизвестны.

Русин Щекин *Протасов* (14) по данным писцовой книги 1587/88-1588/89 гг. был тульским помещиком [26; 1135]. Кроме него в том же источнике упоминаются Петр Яковлевич и Яков Карпович Протасовы; Варвара Федорова, жена Карпова Протасова, и ее сын Третьяк [26; 1102, 1190]. При этом Варвара и Третьяк помещики того же, что и Русин, Заупского стана. Ясно, что все — однородцы и дети боярские. Служебные назначения их неизвестны.

Новгородский подьячий и помещик Деревской и Обонежской пятин Александр Курбат Васильевич *Харламов* (15), скорее всего, происходил из среды новгородских же детей боярских. Отцом его мог быть Василий Ермолич Харламов, который в начале XVI столетия, вместе с Иваном Брюховым Рязановым, судил поземельный спор в Новгородской земле [27; 288-290]. Такие поручения часто получали местные служилые люди. Можно заключить, что подьячий Курбат Харламов происходил из среды новгородских городских детей боярских.

Пятеро из 103 (4,9%) подьячих Василия III суть потомственные приказные.

Иван Третьяк Леонтьевич *Глебов* был сыном подьячего Левы Глебова. Кроме чисто антропонимических данных мы имеем запись в синодике Московского Успенского собора, цитируемую С.Б. Веселовским. В данном источнике прямо указаны предки Третьяка, явно, отец и дед: Глеб и инок Леонид [5; 292-293]. Никифор Васильевич *Дылдин* явно был сыном дьяка конца XV в. Василия Демидовича Дылды.

При великом князе Иване Васильевиче кн. Михаилу Андреевичу Верейскому служил подьячий Полушка. Единственное его упоминание в источниках датируется примерно 1470-ми гг. [28; 168] Великому князю Василию Ивановичу в 1520-е гг. служил подьячий Яков Иванович *Полушкин*. Во времена Ивана Грозного в Шелонской пятине в 1550/51 г. владел поместьем подьячий Алеша Яковлевич Полушкин [29; 89, 95-96]. При относительной редкости фамилии и общности служебных занятий, можно уверенно заключить, что Алеша Полушкин — сын Якова Полушкина, а Яков, в свою очередь, сын, а скорее

внук удельного подьячего Полушки. Яков Иванович, таким образом, потомственный приказной.

Ушак Григорьевич *Сумороков* был сыном подьячего Григория Семеновича *Суморокова*. 18 марта и 26 апреля 1524 г. сначала отец, а потом сын последовательно писали две данных Ивана Юрьевича Поджогина и Федора Борисовича Бороздина Иосифо-Волоколамскому монастырю [30; 89]. Социальное происхождение самого Григория Суморокова установлению не поддается. В нашем распоряжении почти нет биографических данных о нем. Фамилия же Сумороков относится к числу весьма распространенных в различных слоях населения.

Чирка Елизарович *Циплятев* явно был сыном известного дьяка Елизара Ивановича Циплятева.

10 из 103 (9,7%) подьячих вел. кн. Василия Ивановича классифицированы нами как выходцы из «демократических слоёв населения».

Два прямых указания источников. Посольские книги в числе приставов при иностранных послах называют «Елку подьячего попова сына *Сергеева*» (1) [8; 92]. Выходцем из духовной среды был и дворцовый подьячий Иван *Яковлев* сын (2). В написанной им меновой указано: «Ивашко подьячей дворцовой дьяконов сын *Яковлев*» [30; 24].

Подьячий *Артемий* Псковитин (3) известен только из сообщений Псковской I летописи как ближайший помощник известного дьяка Мисюря Мунехина. Дьяк был во Пскове человеком пришлым, ставленником Москвы. По сему, не случайно летописец именует Артемия Псковитином. Явно, что «псковитин» в данном контексте — это «житель Пскова» в отличие от его начальника. Отсутствие у подьячего фамилии тоже, скорее всего, не случайно. Фамилии у него не было по причине происхождения из «простого всенародства». Наиболее вероятно, что Артемий происходил из среды псковских посадских.

На основании антропонимики к числу выходцев из посадских можно отнести Останю *Кузнецова* (4). Фамилии производные от названий ремесленных профессий обычно были прерогативой жителей города.

Выходцев из духовенства можно предполагать в лице Ивана Семеновича *Дьяконова* (5), Романа Ильича *Петровского* (6), Алеши Михайловича *Протопопова* (7), Григория и Никифора Фомичей *Протопоповых* (8, 9).

Один случай относим к особым. Сыновья Степана *Федотьева* (10) Федор и Василий, как и отец, служили по конюшенному ведомству. В книге раздачи денежного жалования от 20 марта 1573 г. Федор Степанович записан как приказчик у санников, а Василий Степанович как приказчик царевича Ивана у седел и конского наряда [31; 43, 44]. Если бы отец братьев был бы выходцем из среды детей боярских, то налицо наблюдалась бы явная социальная деградация. Скорее всего, конюшенный дьяк Степан Федотьев и сам происходил из непривилегированных сословий, скорее всего, из среды тех же слуг под дворскими.

Обобщим, 30 из 103 29,1%, немногим менее трети, неплохая выборка для анализа: 15 выходцев из дворян (14,6%), 5 потомственных приказных (4,9%) и 10 из «разночинцев» (9,7%). В последней категории семеро выходцев из духовенства, двое из посадских и один из семьи дворцовых слуг. В числе 15 подьячих, происходивших из дворян, только семья Меньшика Путятина была

связана с Государевым двором (1 из 15 6,7%). По поводу семьи Федора Леонтьева нельзя сказать ничего определенного. Остальные 11 семей (73,3%) суть семьи городских детей боярских**.

В эпоху Ивана III нами было выявлено среди подьячих выходцев из дворян 13,7%, потомственных приказных 1,4%, выходцев из «разночинской» среды 12,3%. Среди дьяков первой трети XVI в. аналогичные показатели составляют 40,9; 9,1 и 6,8% соответственно. Явственно видно, что по своей социальной структуре подьячие Василия III ближе к подьячим Ивана III, чем к дьякам своего времени.

Эти цифры говорят, во-первых, об объективности полученных результатов. Применяя одинаковые методы исследования к источникам одних и тех же типов, мы получили сходные выводы применительно к двум разным эпохам: вторая половина XV—начало XVI вв. и первая треть XVI в. Во-вторых, мы видим, что социальная структура подьячих великого князя отлична от социальной структуры дьяков, служивших в столице. Вряд ли случайно, что среди подьячих доля выходцев из дворян в три раза меньше, чем среди дьяков. Выходцев из «разночинской» среды, напротив, больше почти в полтора раза (9,7% : 6,8% или 1,4 : 1). Основная масса подьячих происходит из «демократических» слоев населения. В среде дьяков выходцев из дворян, учитывая несовершенство наших вычислений, было примерно половина, может быть, чуть более. В числе подьячих таких, вряд ли, было более 2/10.

Из 15 подьячих, происходивших из детей боярских дьяками стали пятеро****. 5 из 15 33,3%. Из 5 потомственных приказных дьяком стал только Третьяк Глебов (20%). Из 10 подьячих «разночинского» происхождения дьяком стал так же только один человек — Степан Федотов (10%). Из 73 подьячих, чье происхождение не установлено до дьячества дослужились 10 (13,7%)****. То есть, из тех подьячих, что имели дворянские корни, в дьяки попал каждый третий. Из тех, чьи отцы служили в подьячих или дьяках, дьячества достиг один из пяти. В среде тех подьячих, что происходили из «разночинцев» или имели неясное происхождение в дьяки вышел лишь каждый десятый. Ясно, что происхождение влияет на динамику карьеры. То же явление мы констатировали и применительно к подьячим Ивана III.

Сравнение социальной структуры подьячих Василия III и Ивана III показывает существенный рост прослойки потомственных приказных: с 1,4 до 4,9%, в три с половиной раза. Можно видеть в этом тенденцию к формированию подьяческих семей, явления, в полной мере развившегося лишь столетие спустя, в XVII в. [1; 66]

* Бужениновы, Головины, Каликины, Кулибаевы, Племянниковы, Протасовы, Скрипичины, Ушаковы, Харламовы, Чертовские и Щекины.

** Леонтьев Ф., Протасов Русин Щекин, Пуятин Меньшик Н., Чертовской Истома С. Некрасов и Щекин А. Малой Г.

*** Великий Г.А., Великого Н.В., Воробьев Г. Шемет А., Воротилов М.Ф., Горбатой И. Малой А., Ильин Т., Логинов Богдан, Никитин Ф.С., Переяславец И.Я. и Сидоров Ю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 228 с.
2. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1910. 546 с.
3. Кистерев С.Н. Акты Московского Чудова монастыря 1507-1606 годов // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С.59-234.
4. Писцовые книги Новгородской земли. Т.2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 364 с.
5. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.
6. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 804 с.
7. Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей. Ф. 303. Кн. 518.
8. Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. 289 с.
9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 592 с.
10. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 402 с.
11. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 456 с.
12. Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. // Исторические записки. 1971. Вып. 87. С. 219-286.
13. Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Т.1. Отд. 2. М., 1905. 522 с.
14. Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV—начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002.
15. Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2007. 248 с.
16. Антонов А.В. Поручные записи 1527-1571 годов // Русский дипломатарий. 2004. Вып. 10. С. 8-79.
17. Акты Русского государства 1505-1526 гг. М.: Наука, 1975. 436 с.
18. Шумаков С.А. Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. М., 1917. 693 с.
19. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 303. Кн. 530.
20. Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. 931 с.
21. Перечень актов архива Троице-Сергиева монастыря 1505-1537. М.: Наука, 2007. 539 с.
22. Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. 2002. Вып. 7. С. 149-196.
23. Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. 839 с.
24. Дунаев Б.И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. Приложение. М., 1916. 95 с.
25. Гневушев А.М. Писцовая книга Водской пятины 1540 г. Вып. 1. Новгород, 1917. 304 с.
26. Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877. 1601 с.
27. Корецкий В.И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV-XV вв. // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С. 275-290.
28. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. 2. М., 1958. 727 с.
29. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 6. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 382 с.
30. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 665 с.

31. Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // Исторический архив. Т. 4. М., 1949.

REFERENCES

1. Demidova, N.F. *Sluzhilaja bjurokratija v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovanii absolutizma* [Serving bureaucracy in Russia of the XVII century and its role in the development of absolutism]. М.: Nauka, 1987. 228 p. (in Russian)
2. *Novgorodskie piscovye knigi, izdannye Arheograficheskoj komissiej* [Novgorod scribe books, published by the Archeological commission]. V. VI. St. Petersburg, 1910. 546 p. (in Russian)
3. Kisterev, S.N. The acts of Moscow Chudov monastery 1507-1606 years. *Russkij diplomatarij — Russian diplomatarj*. Issue 9. М., 2003. P. 59-234 (in Russian).
4. *Piscovye knigi Novgorodskoj zemli* [Scribe books of Novgorod land]. V. 2. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 1999. 364 p. (in Russian).
5. Veselovskij S.B. *D'jaki i pod'jachie XV—XVII vv.* [Lectors and sublectors XV-XVII centuries]. М.: Nauka, 1975. 608 p. (in Russian)
6. *Akty social'no-jekonomicheskoj istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV—nachala XVI v.* [The acts of the social-economic history of the North-Eastern Russ of the end of XIV—the beginning of XVI]. V. 1. М.: Publ. AN SSSR, 1952. 804 p. (in Russian)
7. *Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka. Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej* [Russian State Library. Scientific-investigating department of manuscripts]. Fond 303. B. 518 (in Russian).
8. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva* [The collection of the Russian historical society]. Saint-Petersburg, 1882. Vol. 35. 289 p. (in Russian)
9. *Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knjazej XIV—XVI vv.* [Ecclesiastical and contractual documents of the Grand and apanage princes of the XIVth—XVIth centuries]. М.-Л.: Academy of Sciences of USSR Publ., 1950. 592 p. (in Russian)
10. *Akty feodal'nogo zemlevladienija i hozjajstva XIV-XVI vekov* [The statements of feudal land ownership and economy XIVth-XVIth centuries]. Part 1. Moscow: Publ. Academy of Sciences of the USSR, 1951. 402 p. (in Russian)
11. *Tysjachnaja kniga 1550 g. i Dvorovaja tetrad' 50-h godov XVI v.* [The Thousandth Book of the 1550 year and the Yard Notebook of the 50-s years of the XVIth century]. Moscow.-L.: Publ. Academy of Sciences of USSR, 1950. 456 p. (in Russian)
12. Zimin, A.A. Clerk's apparat in Russia of the second half of the XVth—the first third of the XVIth century. *Istoricheskie zapiski — The historical extracts*. Extract 87. Moscow, 1971. P. 219-286 (in Russian).
13. Samokvasov, D.Ja. *Arhivnyj material* [The archival material]. Vol. 1. Part 2. Moscow, 1905. 522 p. (in Russian)
14. Antonov, A.V. The private archives of the Russian feudal lords of the XVth—the beginning of the XVIIth century. *Russkij diplomatarij — The Russian diplomatarj*. The 8th issue. Moscow, 2002 (in Russian).
15. *Akty Troickogo Kaljazina monastyrja XVI v.* [The statements of the Troickij Kljazin abbey of the XVIth century]. Moscow — Saint-Petersburg: Al'jans-Arheo, 2007. 248 p. (in Russian)
16. Antonov, A.V. Cost and insurance records of the 1527-1571 years. *Russkij diplomatarij — The Russian diplomatarj*. Extract 10. Moscow, 2004. p. 8-79 (in Russian).
17. *Akty Russkogo gosudarstva 1505-1526 gg.* [The statements of the Russian country of the 1505-1526 years]. Moscow: Nauka, 1975. 436 p. (in Russian)
18. Shumakov, S.A. *Obzor «Gramot Kollegii jekonomii»* [The review of “The documents of the Economy College”]. The 4th issue. Moscow, 1917. 693 p. (in Russian)

-
19. *Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka. Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej* [The Russian State Library. The Research Department of Manuscripts]. Fund 303. Book 530 (in Russian).
20. *Piscovyje knigi Moskovskogo gosudarstva XVI v.* [The cadastres of the Moscow state of the XVIth century]. Part 1. Section 1. Saint-Petersburg, 1872. 931 p. (in Russian)
21. *Perechen' aktov arhiva Troice-Sergieva monastyrja 1505-1537* [The list of the statements of the archive of the Troice-Sergiev abbey of the 1505-1537 years]. Moscow: Nauka, 2007. 539 p. (in Russian)
22. Antonov, A.V., Krom, M.M. The list of the Russian captives in Lithuania of the first half of the XVI century. *Arhiv russoj istorii — The archive of the Russian history*. The 7th issue. Moscow, 2002. p. 149-196 (in Russian).
23. *Pamjatniki diplomaticheskij otnoshenij drevnej Rossii s derzhavami inostrannymi* [The monuments of the diplomatic relations of the Ancient Russia with the foreign states]. Vol. 1. Saint-Petersburg, 1851. 839 p. (in Russian)
24. Dunaev, B.I. *Maksim Grek i grecheskaja ideja na Rusi v XVI veke* [Maxim the Greek and the Greek idea in Russia in the XVIth century]. Appendix. Moscow, 1916. 95 p. (in Russian)
25. Gnevnushev, A.M. *Piscovaja kniga Vodskoj pjatiny 1540 g.* [The cadastres of the Vodskaja pjatina of the 1540 year]. The 1st issue. Novgorod, 1917. 304 p. (in Russian)
26. *Piscovyje knigi Moskovskogo gosudarstva XVI v.* [The cadastres of the Moscow State of the XVIth century]. Part 1. Section 2. Saint-Petersburg, 1877. 1601 p. (in Russian)
27. Koreckij, V.I. Opened anew documents of Novgorod and Pskov of the XIVth-XVth centuries. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1967 god — The Archeological annual of the 1967*. Moscow, 1969. p. 275-290 (in Russian).
28. *Akty social'no-jekonomicheskoj istorii Severo-Vostočnoj Rusi konca XIV—nachala XVI v.* [The statements of the socio-economic history of the Northeast Russia of the end of the XIVth—the beginning of the XVI centuries]. Vol. 2. Moscow, 1958. 727 p. (in Russian)
29. *Piscovyje knigi Novgorodskoj zemli* [Novgorod's Scribe books]. T. 6. Moscow, 2009. 382 p. (in Russian)
30. *Akty feodal'nogo zemlevladienija i hozjajstva* [Acts of the feudal land ownership and management]. Part 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1956. 665 p. (in Russian).
31. Al'shic, D.N. The new document about the people and the court orders of «oprichnina» Ivan the Terrible after 1572. *Istoricheskij arhiv — Historical Archive*. V. 4. Moscow, 1949 (in Russian).
-